

практикѣ, и благое намѣреніе не откладывалось бы въ долгій ящикъ, такъ какъ настоящее время, въ виду мирнаго настроенія умовъ на Аѳонѣ, нужно считать для русской ученой экспедиціи туда самымъ благопріятнымъ. Само собою разумѣется, что этой экспедиціи необходимо запастись и средствами, и всевозможнаго рода рекомендаціями отъ правительствъ духовнаго и свѣтскаго, нашего русскаго и константинопольскаго.

А. Дмитріевскій.

Іеромонахъ Іоаннъ. *Обрядникъ Византійскаго двора (de ceremoniis aulae Byzantinae), какъ церковно-археологическій источникъ.* Москва, 1895. II + 198.

Въ числѣ придворныхъ византійскихъ обрядовъ весьма видное мѣсто занимали выходы въ храмы, крестные ходы, разныя молебствія и другія богослужебныя дѣйствія, такъ какъ свѣтская жизнь была тогда тѣснѣе связана съ религіозной и несравненно болѣе наполнялась богослужебными дѣйствіями, чѣмъ въ наше время у людей высшаго класса.

Этотъ религіозный характеръ средневѣковой жизни со всею полнотою, какъ въ зеркалѣ, отразился на Придворномъ уставѣ, или Обрядникѣ, дошедшемъ до насъ подъ именемъ Константина Багрянороднаго. Какъ извѣстно, первое мѣсто въ немъ занимаетъ сборникъ богомольныхъ выходовъ въ храмы и составляетъ значительную часть 1 книги. Другіе отдѣлы Придворнаго устава частью заключаютъ въ себѣ также описаніе богомольныхъ выходовъ, не вошедшихъ въ составъ стараго сборника, помѣщеннаго въ началѣ первой книги, частію переплетены и переполнены изложеніемъ разныхъ богослужебныхъ обрядовъ и молебствій и указаніями на нихъ, такъ какъ почти каждое значительное событіе въ жизни царей и сановниковъ освящалось религіознымъ актомъ благодаренія и моленія, выражавшемся въ богослужебномъ дѣйствіи. Потому Придворный уставъ заключаетъ въ себѣ массу матеріала, очень древняго и драгоцѣннаго, не только для свѣтской жизни византійскаго двора, но и для церковной и богослужебной жизни того времени и представляетъ собою богатый складъ данныхъ для церковной археологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Несмотря на обиліе церковно-археологическаго матеріала въ Придворныхъ обрядахъ Константина Багрянороднаго, несмотря на его древность и важность, этими данными пользовались рѣдко и мало, особенно у насъ, хотя для насъ эти матеріалы представляютъ наибольшую цѣнность. Только одинъ литургистъ, покойный профессоръ московской духовной академіи Мансветовъ, воспользовался литургическими данными Придворнаго устава для церковнаго устава константинопольскихъ церквей и, за неизвѣстностію тогда другихъ литургическихъ памятниковъ, нашелъ въ Придворномъ уставѣ самыя древнія извѣстія о ходѣ церковныхъ службъ въ Константинополѣ. Другіе наши ученые пользовались

церковно-археологическими матеріалами Придворнаго устава случайно и попутно, не занимаясь имъ съ этой цѣлью спеціально.

Вотъ этотъ-то недостатокъ и взялся пополнить о. Іоаннъ, который поставилъ себѣ цѣлью извлечь весь церковно-археологическій матеріалъ, заключающійся въ Придворномъ уставѣ, и, обработавъ этотъ матеріалъ, въ результатѣ дать картину тѣхъ сторонъ церковной жизни въ ту эпоху, которыя затронуты въ Придворномъ уставѣ.

Сообразно съ этою задачею и собраннымъ матеріаломъ, о. Іоаннъ въ своей книгѣ трактуетъ о храмахъ и монастыряхъ Византіи, о богослуженіи Великой Церкви, которая преимущественно и чаще всѣхъ другихъ является мѣстомъ совершенія богослужебныхъ дѣйствій, о церковныхъ праздникахъ, совершавшихся въ Византіи въ теченіе года, т. е. о богослуженіи тріоднаго и синаксарнаго круга, и, наконецъ, о богослуженіи требничнаго круга, т. е. таинствахъ и молебствіяхъ по разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ.

Послѣ краткаго введенія о содержаніи Придворнаго Устава и его значеніи, какъ церковно-археологическаго источника (стр. I—XIV), о. Іоаннъ въ 1 гл., посвященной храмамъ и монастырямъ Константинополя, говоритъ прежде всего о мѣстоположеніи и количествѣ храмовъ, а для уясненія топографіи храмовъ старается соединить ее съ краткою топографіею всего Константинополя и, перечисляя разныя части и мѣстности Константинополя, указываетъ и тѣ храмы и монастыри, которые здѣсь находились и которые упомянуты въ Придворномъ уставѣ. Такъ, напр., говоря о первомъ холмѣ, на которомъ находилась св. Софія, св. Ирина и Большой Дворецъ, о. Іоаннъ говоритъ о дворцовыхъ зданіяхъ и находящихся въ нихъ храмахъ и евктиріяхъ; описывая Среднюю улицу отъ Августеона до Золотыхъ воротъ, авторъ указываетъ мѣсто тѣхъ храмовъ и монастырей, которые въ Придворномъ уставѣ значатся находившимися или на этой улицѣ или бывшими близко отъ нея.

Къ сожалѣнію, въ этомъ перечисленіи храмовъ и монастырей по частямъ города ничего новаго нѣтъ, но зато попадаютъ нѣкоторые нежелательные промахи и неточности въ родѣ того, что «колонна (Константина «обожженная») имѣла 90 футовъ вышины и 30 футовъ въ окружности; что Новый дворецъ или дворецъ Вона (*bonus Vōnos*) находился такъ близко къ храму св. Апостоловъ, что соединенъ былъ съ катехуменами Апостольской Церкви (стр. 15), что ипподромъ находился на югъ отъ дворца (стр. 16), а не на западѣ, и т. п.

Подобныхъ промаховъ и неточностей можно было легко избѣжать, потому что для исправленія ихъ не было надобности въ какихъ-нибудь усиліяхъ и поискахъ, а нужно было только относительно Ипподрома взглянуть на планъ, а относительно Новаго Дворца о. Іоаннъ, очевидно, ошѣбся: съ катехуменіями храма св. Апостоловъ былъ соединенъ дворецъ, бывший при этомъ храмъ, а Новый Дворецъ отстоялъ отъ храма св.

Апостоловъ на нѣкоторое разстояніе, которое нужно было пройти по улицѣ¹⁾).

Между тѣмъ изъ катихуменъ храма св. Апостоловъ былъ ходъ прямо во дворецъ, который былъ издавна при этомъ храмѣ и въ которомъ царь угощалъ патріарха, когда совершалъ богомольный выходъ въ храмъ св. Апостоловъ или смежный съ нимъ храмъ всѣхъ святыхъ, причемъ дворецъ этотъ называется «тамошнимъ»²⁾).

Этотъ дворецъ былъ такъ же старъ, какъ и храмъ св. Апостоловъ, а называвшійся Новымъ дворецъ былъ, какъ говоритъ самъ о. Іоаннъ, построенъ Романомъ Лекапиномъ, слѣдовательно, при самомъ Константинѣ Багрянородномъ, составителѣ «Обрядника», въ кварталѣ Вона, или Бона (Βώνου, Boni), подлѣ цистерны того же имени. Потому этотъ дворецъ называется то Новымъ, то дворцемъ Вона, а въ обрядѣ 21 мая названъ и тѣмъ и другимъ именемъ вмѣстѣ: 'Εν τῷ νεῷ παλατίῳ τοῦ Βώνου (р. 532). Мѣсто этого квартала, названнаго по имени сановника Вона (Bonus), опредѣляли различно. Mortdmann въ своемъ планѣ Константинополя помѣщаетъ и Новый дворецъ и цистерну Вона тамъ, гдѣ теперь стоитъ громадная мечеть султана Селима, на сѣверъ отъ храма св. Апостоловъ, теперешняго мѣста мечети Махмудье.

Довольно смутныя понятія имѣеть о. Іоаннъ о Марсовомъ полѣ, Трибуналѣ тамъ и дворцѣ. Согласно съ большинствомъ новыхъ изслѣдователей, слѣдующихъ Жиллю и Дюканжу, о. Іоаннъ помѣщаетъ ихъ около Тек-фуръ-сарая, а Евдомъ, согласно съ Унгеромъ и Кондаковымъ, на западъ отъ Константинополя на берегу Мраморнаго моря. О. Іоаннъ такимъ образомъ раздѣлилъ и помѣстилъ въ два различныя мѣста, то что нераздѣлимо и что составляетъ одинъ вопросъ. Очень жаль, что о. Іоаннъ не воспользовался тѣми данными, которыя даетъ «Обрядникъ» для рѣшенія этого вопроса: ихъ никто еще не принялъ во вниманіе и не оцѣнилъ, а между тѣмъ они очень важны и стоятъ вниманія тѣмъ болѣе, что ни Жилль, ни Дюканжъ не могли имѣть ихъ въ виду.

Точно также оставленъ безъ вниманія вопросъ о Средней улицѣ по направленію къ храму св. Апостоловъ и Адрианопольскимъ воротамъ. Почему и кто сталъ эту улицу называть Среднею, какъ и Большую улицу, ведущую къ Золотымъ воротамъ, о. Іоаннъ не старается какъ-

1) «Выйдя изъ храма Апостоловъ съ своею литією, царь проходитъ по открытому пространству внѣ конхи, Всѣхъ Святыхъ и проходящей тамъ улицѣ», а затѣмъ уже входитъ во дворъ Новаго дворца. Cerim. II. 6,533 20.

2) 'Εν τῷ θεοφυλάκῳ παλατίῳ, ἣ γοῦν τῷ ὄντι ἐκεῖσε καὶ εἰσέρχεται ἐν τῷ κοιτῶνι αὐτοῦ. pag. 79/4. Ср. 538/7. Дворецъ при храмѣ св. Апостоловъ былъ построенъ вмѣстѣ съ храмомъ-усыпальницею царей самимъ Константиномъ, какъ объ этомъ говоритъ біографъ Константина Евсевій, при описаніи постройки Константиномъ этого храма (Vita Const. с. 59). При новой постройкѣ храма Юстиніаномъ, всѣ эти пристройки, безъ сомнѣнія, были возобновлены въ еще болѣе великолѣпномъ видѣ. Юстиніановской постройки дворецъ при храмѣ св. Апостоловъ упоминается въ обрядахъ Константина Багрянороднаго.

нибудь разъяснить и разрешить. Да и вообще топографическіе вопросы онъ только затрогиваетъ, но не разрешаетъ, когда они возникаютъ: онъ, такъ сказать, скользитъ по нимъ, ограничиваясь указаніемъ того или другого топографическаго пункта. Нельзя не пожалѣть также, что о. Іоаннъ не выдѣляетъ матеріала, найденнаго въ «Обрядникѣ», отъ свѣдѣній и данныхъ, находящихся въ другихъ источникахъ. Только при такомъ тщательномъ выдѣленіи можно представить ясно цѣнность и значеніе матеріаловъ, которые даетъ «Обрядникъ», сравнительно съ прежде извѣстными источниками, тѣмъ болѣе что Дюканжу, безсмертному составителю *Const. Christ.*, этотъ матеріалъ не было извѣстенъ. Въ виду этого изслѣдователь извѣстій «Обрядника» могъ бы не только выдѣлить новый матеріалъ, но и дополнить прежнія указанія, собранныя Дюканжемъ, новыми данными, освѣтить ихъ и представить въ болѣе ясномъ и точномъ видѣ.

Вмѣсто разъясненія и освѣщенія мы встрѣчаемъ, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже затемненія и путаницу. Напр. говоря о пути изъ Влахернъ къ св. Софіи, по которому совершались крестные ходы и поѣздки царя, авторъ приходитъ къ заключенію, что путь этотъ тянулся «почти параллельно Средней улицѣ, ближе къ Золотому рогу». Какимъ образомъ путь къ Влахернамъ, лежавшимъ въ сѣверномъ углу города, могъ идти параллельно Средней улицѣ, приводившей къ юго-западной оконечности города, понять трудно, если не представить себѣ, что Средняя улица вела къ сѣвернымъ кварталамъ города.

Такимъ же характеромъ неясности и поверхностности отличается слѣдующій за топографіею храмовъ и монастырей трактатъ о церковной архитектурѣ (стр. 27 слѣд.). О. Іоаннъ повторяетъ неудачную фразу Дидрона, взятую изъ еще болѣе неудачной компиляціи Каневскаго, о томъ, что св. Софія была дворцовымъ храмомъ, молельнею императора, но почти упускаетъ изъ виду значеніе этой церкви, какъ резиденціи патріарха, и почти ничего не говоритъ о патріаршихъ, митрополичьихъ и епископскихъ храмахъ, между тѣмъ какъ объ этомъ стоило бы поговорить въ виду соборныхъ правилъ и постановленій относительно этого. Нельзя не пожалѣть также, что отецъ Іоаннъ не познакомился съ описаніями св. Софіи Павла Силенціарія и Прокопія; тогда для него многое стало бы яснѣе и понятнѣе въ «Обрядникѣ» Константина Багрянороднаго, особенно, если бы о. Іоаннъ проштудировалъ при этомъ и трудъ о св. Софіи Зальценберга или что-нибудь подобное. Вообще для яснаго пониманія и понятнаго изложенія разныхъ частей св. Софіи и другихъ храмовъ необходимо болѣе или менѣе близкое знакомство съ устройствомъ Константинопольскихъ храмовъ вообще и св. Софіи въ особенности. Такъ напр., разсужденіе, неясное и непонятное, о «вестибулѣ св. Софіи» имѣло бы совершенно другой характеръ, если бы о. Іоаннъ принялъ въ соображеніе, что пропилеями (προπύλαιον) въ средневѣковыхъ греческихъ большихъ храмахъ назывались внѣшніе прѣтворы (ἑξωνόρθηκας), состоявшіе обыкно-

венно изъ колоннады или аркады, которая, образуя внѣшній нарёикъ, въ то же время представляла собою одну изъ сторонъ окружавшей церковный дворъ четырехсторонней, обыкновенно квадратной колоннады. Такъ было въ св. Софїи, такъ было и въ другихъ большихъ храмахъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ эти аркады сохранились и до сихъ поръ или въ цѣлости, или только отчасти. Большею частью теперь въ церквахъ, обращенныхъ въ мечети, аркады и колоннады внѣшнихъ нарёиковъ заложены сплошными стѣнами, среди которыхъ виднѣются древнія колонны или арки.

При этомъ та сторона колоннады церковнаго двора, которая прислонена была къ нарёику (внутреннему) и образовывала собою внѣшній нарёикъ (ἐξωνάρδιξ), обыкновенно имѣла среднія колонны выше и роскошнѣе остальныхъ, такъ что среднія колонны или арки представляли собою особенно украшенный входъ къ среднимъ дверямъ нарёика и назывались потому красными вратами. Такого рода входъ велъ, безъ сомнѣнія, и къ среднимъ вратамъ нарёика св. Софїи и такой входъ нужно разумѣть подъ ὡραίᾳ πύλῃ въ Обрядахъ Константина Багрянороднаго. Теперь отъ прежняго атрія св. Софїи не осталось ничего, кромѣ самаго мѣста. Какъ колоннада, шедшая вокругъ двора, такъ и фонтанъ (лутирь), бывший посреди него, уничтожены, дворъ сдѣланъ короче и гораздо шире; западная часть двора, выходившая къ долигѣ, скрыта при проведеніи конной желѣзной дороги и дворъ св. Софїи обнесенъ простою деревянною рѣшеткою съ кирпичными столбами, — рѣшеткою, или оградой, напоминающею церковныя ограды въ нашихъ городахъ и деревняхъ. Пропилей или внѣшній нарёикъ св. Софїи также скрытъ и посѣтителѣ входятъ во внутренній нарёикъ св. Софїи прямо со двора, который нѣсколько выше пола нарёика, между тѣмъ какъ прежде былъ, безъ сомнѣнія, ниже, а не выше. Но какъ колоннада, такъ и фонтанъ долго еще были цѣлы при туркахъ и ихъ можно видѣть, хотя въ обезображенномъ видѣ, на старыхъ рисункахъ несчастнаго храма. Если очистить дворъ отъ новыхъ наросеній, то мѣсто колоннады и лутира, безъ сомнѣнія, обнаружится и планъ всѣхъ этихъ, сначала обезображенныхъ, а потомъ и уничтоженныхъ по турецкому обычаю, нѣкогда великолѣпныхъ построекъ, будетъ совершенно ясенъ, такъ какъ нельзя думать, чтобъ турки уничтожили и фундаменты этихъ пристроекъ.

Обо всемъ этомъ и особенно о красной двери св. Софїи подробно сказано въ моихъ Byzant. кн. II, стр. 97 слѣд. и мнѣ остается только пожалѣть, что о. Іоаннъ не принялъ это во вниманіе, хотя ему указанная книга извѣстна. Потому мнѣ нѣтъ надобности говорить объ этомъ подробно, а достаточно только сказать о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ о. Іоанна относительно ὡραίᾳ πύλῃ. Авторъ смущается тѣмъ, что по двумъ мѣстамъ (р. 14,440) «Обрядника» красная дверь находится въ пропилеѣ, который у о. Іоанна называется почему-то вестибуломъ, а въ обрядѣ посвященія патріарха Cerim. II, 38,636 она оказывается въ нар-

епкѣ. Между тѣмъ какъ, говоритъ о. Іоаннъ, (изъ 14,440) видно, что красная дверь не имѣла никакого отношенія къ притвору, на 636 стр. мы читаемъ: «въ притворѣ святѣйшей церкви (св. Софіи) въ красной двери встрѣтилъ его (императора) нареченный патріархъ». Чинъ встрѣчи государя при поставленіи патріарха нисколько не отличался отъ встрѣчъ въ другіе торжественные дни; а въ эти дни она происходила въ царскихъ вратахъ. Такимъ образомъ, кромѣ иныхъ названій, эти двери назывались еще красными» (стр. 41). Въ этихъ словахъ заключается нѣсколько небольшихъ неточностей. Во-первыхъ, чинъ прихода въ св. Софію, на стр. 636, и встрѣчи царя не такой, какъ въ другіе торжественные дни: царь шелъ не чрезъ орологій и дворъ, а спустился въ нарѣикъ изъ верхнихъ катихуменій, куда онъ пришелъ по переходамъ прямо изъ дворца. Этотъ способъ прибытія въ храмъ принадлежитъ къ наименѣе торжественнымъ. Во-вторыхъ, патріархъ никогда не встрѣчалъ царя въ царскихъ вратахъ, а всегда въ нарѣикѣ при входѣ въ него изъ пропилея, а чрезъ царскія врата царь и патріархъ совершали вмѣстѣ «малый входъ» въ самый храмъ изъ нарѣика. Въ-третьихъ, пропилей также назывался нарѣикомъ, собственно ἐξωνάρθηξ и, быть можетъ, въ обрядѣ, представляющемъ простую запись о выходѣ Романа Лекапина въ день посвященія его сына Теофилакта въ патріархи, допущена маленькая неточность, такъ что подъ красною дверью можно разумѣть ту же красную дверь, которая разумѣется и въ другихъ обрядахъ. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что предназначенный въ патріархи Теофилактъ вышелъ въ пропилей и встрѣтилъ тамъ своего отца, царя Романа. Съ другой стороны, возможно и то, что «красною дверью» въ занимающемъ насъ обрядѣ называется средняя дверь изъ внутренняго нарѣика во внѣшній, которая въ одномъ обрядѣ называется великою дверью нарѣика (μεγάλη πύλη τοῦ νάρθηκος) и которая, какъ входная средняя дверь вообще, называлась наравнѣ съ входными средними пилонами пропилея (внѣшняго нарѣика) «красною дверью». Въ такомъ случаѣ нареченный патріархъ встрѣтилъ своего отца тамъ, гдѣ онъ обыкновенно его встрѣчалъ, когда царь входилъ чрезъ западныя врата, т. е. около среднихъ большихъ дверей изъ внѣшняго нарѣика во внутренній.

Нельзя не замѣтить, кромѣ пропилея, и относительно катихуменъ св. Софіи. О. Іоаннъ въ южныхъ катихуменахъ помѣщаетъ все то, что было внѣ ихъ и только примыкало къ нимъ или сообщалось съ ними посредствомъ дверей. На катихуменахъ онъ помѣщаетъ секреты патріарха и его мутаторій, евктирій св. Теофилакта и другія помѣщенія, находившіяся въ пристройкахъ, прилегавшихъ съ юга къ храму св. Софіи и предназначенныхъ для патріаршей резиденціи и управленія. Потому у него и вышло, что «закуска послѣ литургіи полагалась въ самомъ храмѣ. Въ недѣлю православія она совершалась въ патріаршемъ мутаторіи, а при патріархѣ Теофилактѣ въ евктиріонѣ св. Теофилакта». Ничего такого на самомъ дѣлѣ не было. Закуска послѣ литургіи, на которой при-

существовалъ царь и пріобщался, происходила внѣ храма въ царскомъ мутаторіи, а въ недѣлю православія завтракъ происходилъ въ патриаршемъ мутаторіи, который былъ внѣ храма, какъ и царскій. Въ патриаршихъ палатахъ, прилегавшихъ къ храму св. Софіи, находился и евктирій св. Теофилакта, и десертъ во время патриаршества Теофилакта подавался не въ самомъ евктиріи, а около него, въ той сторонѣ, гдѣ былъ этотъ евктирій. Въ обрядѣ, на который ссылается о. Іоаннъ, сказано: *δοῦλκιον ἐποίησε ὁ κύριος Θεοφύλακτος ἐπὶ τὸ μέρος τοῦ εὐκτηρίου τοῦ ἁγ. Θεοφυλάκτου*, что на лат. языкъ переведено такъ: *Dominus Theophylactus patriarcha in parte oratorii sancti Theophylacti etiam convivium instruxit*, но здѣсь *in parte* нельзя понимать: въ части или отдѣленіи самаго ораторія или евктирія, а, какъ показываетъ греческій текстъ «въ той сторонѣ, или той части патриаршихъ палатъ, гдѣ былъ евктирій св. Теофилакта». Вообще во всемъ «Обрядникѣ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ указаній на то, что въ храмахъ ѣли или «закусывали», и приписывать X в. такіе обычаи, на основаніи «Обрядника», мы не имѣемъ права, тѣмъ болѣе что и другіе источники ничего не говорятъ въ пользу этого. Много и другихъ подобныхъ неточностей и промаховъ можно бы указать какъ въ описаніи св. Софіи, такъ и въ характеристикѣ тогдашнихъ храмовъ вообще на основаніи «Обрядника», но эти промахи и недосмотры слишкомъ надолго заняли бы насъ, если бы мы вздумали останавливаться на каждомъ изъ нихъ. Потому мы считаемъ достаточнымъ только отмѣтить нѣкоторые общіе вопросы, которые слѣдовало бы выяснитъ лучше и на которыхъ нужно было бы остановиться больше. Изъ такихъ церковно-археологическихъ вопросовъ можно назвать вопросъ объ евктиріяхъ и отношеніи ихъ къ главнымъ храмамъ, объ иконахъ въ храмахъ и количествѣ ихъ во времена, непосредственно слѣдовавшія за окончательною побѣдою надъ иконоборцами, о поклоненіи кресту, о скамьяхъ для сидѣнья въ храмахъ и между прочимъ въ св. Софіи, о крещеніи новообращенныхъ подъ извѣстные большіе праздники, о сиротахъ и участіи ихъ въ выходахъ въ большіе праздники, о церковныхъ одеждахъ, ихъ матеріалѣ и отношеніи къ одеждамъ чиновъ гражданскихъ, объ антимирахъ и значеніи ихъ въ тѣ времена, о клирѣ придворномъ и рангѣ его, объ угощеніяхъ и обѣдахъ духовенству въ праздники и т. п.

Для рѣшенія такихъ и подобныхъ вопросовъ имѣются матеріалы и указанія въ «Обрядникѣ» и весьма интересно и важно было бы видѣть въ книгѣ, посвященной изслѣдованію церковно-археологическихъ данныхъ, находящихся въ «Обрядникѣ», не только указанія на эти матеріалы, но и выясненіе ихъ въ исторической и бытовой перспективѣ. Въ этомъ случаѣ нельзя было довольствоваться комментариемъ Рейске и вѣрить ему, какъ непреложной истинѣ, а нужно было итти дальше Reiske и Ducange'a тѣмъ болѣе, что Дюканжъ, какъ было сказано, вовсе и не зналъ о существованіи «Обрядника», а Reiske былъ протестантъ, весьма

недвусмысленно высказывавшій свои антипатіи къ православной церковной обрядности и видѣвній нерѣдко слѣды язычества тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было. Для православнаго изслѣдователя церковной византійской старины «Обрядникъ» даетъ много интересныхъ и важныхъ матеріаловъ, казавшихся не заслуживающими вниманія для протестантскаго комментатора, тѣмъ болѣе что этотъ комментаторъ хотя былъ и очень ученый человѣкъ, но, по своей подготовкѣ, научному образованію и ученой дѣятельности, не богословъ и не церковный археологъ. Потому русскому церковному археологу нужно относиться критически къ толкованіямъ церковныхъ вопросовъ западными учеными, стараться внести новый свѣтъ и дать самостоятельное толкованіе и объясненіе затронутыхъ въ «Обрядникѣ» церковно-археологическихъ вопросовъ и представляемыхъ имъ матеріаловъ, тѣмъ болѣе, что многое изъ того, что было въ X в. въ Византіи, живетъ еще до сихъ поръ у насъ и объясняетъ наши церковные обычаи.

Вторая глава книги о. Іоанна посвящена богослуженію *Великой церкви*, т. е. св. Софіи, а между тѣмъ объ отличительныхъ чертахъ богослуженія св. Софіи говорится очень мало, а больше о богослуженіи вообще, такъ какъ въ св. Софіи богослуженія совершались такія же, какъ и въ другихъ, не монастырскихъ по крайней мѣрѣ, храмахъ. При этомъ по вопросу о клирѣ св. Софіи и патріаршемъ сказано очень мало и не выяснена ни численность клира св. Софіи, ни значеніе нѣкоторыхъ духовныхъ чиновъ, имѣвшихъ отличное отъ обычнаго положеніе и значеніе. Зато слишкомъ много приписано духовнаго значенія царямъ: «они дѣятельно участвовали въ немъ (богослуженіи), совершая всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершаются у насъ діаконами, а сверхъ того нѣчто изъ принадлежащаго священникамъ»; это не совсѣмъ вѣрное общее положеніе подтверждается ошибочными частными, что «императоръ имѣлъ право входить въ алтарь чрезъ св. двери (стр. 90), что императоръ имѣлъ право преподавать народу благословеніе», какъ священникъ (стр. 91). Это не совсѣмъ такъ. Право императора входить въ алтарь св. вратами ограничивалось извѣстными случаями и религіозными дѣйствіями, а діаконскія права царя состояли въ томъ, что онъ пріобщался св. таинъ, какъ діаконы, а не міряне, становился предъ престоломъ, когда входилъ въ алтарь св. вратами или выходилъ изъ нихъ, прикладывался къ нѣкоторымъ, лежавшимъ на престолѣ предметамъ и т. п., но принимать какого-нибудь активнаго участія въ богослуженіи въ качествѣ діакона царь не могъ. Изъ того, что царь въ извѣстныхъ случаяхъ креститъ народъ или осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ, нельзя еще заключать, что онъ благословлялъ, какъ священникъ. Такъ благословлять, какъ благословлялъ царь, можетъ и дѣйствительно благословляетъ всякій христіанинъ, т. е. креститъ, когда прощается по какому-нибудь случаю съ близкими людьми; но, надо думать, византійскій царь былъ бы очень удивленъ, если бы сановники и публика стали подхо-

дить къ нему подѣ благословеніе, какъ къ іерею или архіерею. Какъ царь осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ (κτασφραγίζει) народъ, собравшійся въ ипподромѣ или въ фіалѣ, такъ царя благословляютъ, т. е. осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ представители партій дима (κτασφραγίζουσι) и никто, однако, благодаря этому, не приписываетъ имъ священническихъ функцій. Да и самъ царь осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ (κτασφραγίζει) не только народъ, но и вѣнецъ кесарскій и другіе знаки отличія предъ возложеніемъ ихъ на производимаго сановника; крестить городъ Константинополь, когда, отправляясь въ походъ, покидаетъ свою резиденцію на продолжительное время. Да и самъ о. Іоаннъ, видя въ этихъ дѣйствіяхъ обычный актъ христіанина, расстающагося съ дорогимъ ему предметомъ, называетъ его крестнымъ знаменіемъ. Точно такой же актъ христіанина-мірянина совершалъ царь, «благословляя» народъ въ циркѣ или въ другомъ мѣстѣ, когда выходилъ предъ собравшимся народомъ.

Относительно состава службъ «Обрядникъ», конечно, даетъ мало матеріала, какъ справедливо замѣчаетъ о. Іоаннъ. Тѣ случайныя упоминанія разныхъ пѣснопѣній, которыя входятъ въ составъ службъ, теперь не имѣютъ уже той цѣны, которую они имѣли прежде, до открытіи церковныхъ уставовъ константинопольскихъ церквей, современныхъ Придворному уставу. Предъ нами лежитъ только что изданный А. А. Дмитриевскимъ сборникъ уставовъ, въ которомъ изданъ и древнѣйшій уставъ константинопольскихъ церквей по Патмосскому списку. Въ Іерусалимской патріаршей бібліотекѣ находится списокъ церковнаго устава, написанной по приказанію того самаго царя Константина Багрянороднаго, который вызвалъ или издалъ въ свѣтъ Придворный Уставъ. Само собою разумѣется, что въ церковномъ уставѣ церковныя службы изложены несравненно полнѣе, чѣмъ въ Придворномъ, который потому въ этой части теперь теряетъ свое прежнее значеніе. Но въ немъ сохраняются еще нѣкоторыя обрядовыя черты, на которыхъ церковный археологъ можетъ и долженъ остановиться: я разумѣю входъ въ храмъ царя и патріарха предъ малымъ входомъ, участіе царя въ великомъ входѣ, цѣлованіе любви, причащеніе царя и закуска (κράμχ) послѣ литургіи. О. Іоаннъ и говоритъ объ нихъ, но только то, что имѣется въ самомъ Обрядникѣ, т. е. констатируетъ фактъ и мѣстами не совсѣмъ точно. Напр., трапезы послѣ литургіи не предлагались въ храмахъ (стр. 101), а въ пристройкахъ къ нимъ, какъ уже было замѣчено. «Для лобзанія съ вѣрными священнослужители выходили на солею». Можно подумать, что священнослужители лобзались со всѣми вѣрными, мужчинами и женщинами. Такъ ли это? А если не такъ, то слѣдовало бы выяснить этотъ вопросъ и показать, когда этотъ обычай и почему былъ оставленъ.

Всѣ эти вопросы разсматриваются и въ комментаріи Reiske и въ моей книгѣ (Byzant., кн. II), о выходахъ въ св. Софію; но о. Іоаннъ трактуетъ эти вопросы такъ, какъ будто никто ничего не писалъ о нихъ. Мнѣ

остаётся только предположить, что онъ писалъ свою книгу до выхода въ свѣтъ моей, и потому упомянулъ о ней, хотя и съ похвалами, только въ концѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ.

Обозрѣвая богослуженіе и обряды въ разные праздники и особенно чтимые дни, о. Іоаннъ говоритъ между прочимъ о поклоненіи копью въ великую пятницу и при этомъ выражаетъ недоумѣніе относительно того, разумѣется ли здѣсь то самое копье, которымъ былъ прободенъ Іисусъ Христосъ или копье вообще, какъ орудіе страданій Христовыхъ (стр. 18). Такъ какъ копье хранилось въ храмѣ пресв. Богородицы Фара въ числѣ другихъ святынь и поклоненіе ему происходило только въ этомъ храмѣ, а не въ св. Софій, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что разумѣется то самое копье, которымъ былъ прободенъ Іисусъ Христосъ на крестѣ. Такъ оно разсматривалось византійцами, такъ разсматривалось и иностранцами, посѣщавшими Константинополь и поклонявшимися его святынямъ русскими и западно-европейскими паломниками, которые всѣ называютъ и считаютъ его истиннымъ копьемъ и какъ на мѣсто хранения его указываютъ на одинъ изъ храмовъ Большого Дворца¹⁾.

Третья глава книги о. Іоанна посвящена обозрѣнію праздничнаго богослуженія Византіи и распадается на слѣдующіе отдѣлы: а) календарь Великой церкви, б) богослуженіе синаксарнаго круга и с) тріоднаго круга. Здѣсь точно также новоизданный патмоскій списокъ даетъ, вмѣсто отрывочныхъ данныхъ Придворнаго устава, полную картину праздниковъ и памятей, которые тогда читались въ Константинопольской церкви; но и здѣсь имѣются нѣкоторыя данныя, которыя проливаютъ свѣтъ на церковный уставъ и требовали потому особеннаго вниманія со стороны изслѣдователя. Память св. Константина, напр. по Придворному уставу празднуется 21 мая и связана съ евктиріемъ св. Константина во дворцѣ Вона и постановкою тамъ крестовъ. Для изслѣдователя весьма важно было выяснитъ, въ какой связи стоитъ позднѣйшее празднованіе памяти св. Константина и Елены съ праздникомъ обновленія евктиріевъ Константина и Елены во дворцѣ Вона или это случайное совпаденіе.

Точно также небезынтересно было бы узнать изъ книги церковнаго археолога, изслѣдующаго Придворный уставъ, объ отношеніи придворныхъ обрядовъ, касающихся поклоненія кресту, къ церковнымъ празднествамъ въ честь креста въ августѣ и на крестопоклонной недѣлѣ великаго поста. Къ сожалѣнію, о. Іоаннъ по обыкновенію, только затрогиваетъ эти вопросы и передаетъ содержаніе обрядовъ, но не выясняетъ причинъ и поводовъ этихъ празднествъ въ честь св. креста и отношенія ихъ къ церковнымъ праздникамъ и службамъ, совершавшимся и до сихъ

1) По словамъ Антонія Новгородскаго, копье вмѣстѣ съ другими святынями хранилось «во царскихъ златыхъ палатахъ» Изд. Савваитова, стр. 86. Ср. прим. Савваитова къ этому мѣсту. У западныхъ писателей копье значится также въ числѣ реликвій *in capella imperatoris* и называется *et lancea, qua latus Domini perforatum est*. См. Графа Ріана. *Exuvia sacra. Constantinopol. II, 212. 213 etc.*

поръ совершающимся въ это время. Великая суббота съ переоблаченіемъ св. престола и полупраздничною литургіею, сопровождавшеюся обѣдомъ у царя, въ виду иного характера у насъ этого дня, заслуживаетъ особеннаго вниманія и Придворный уставъ даетъ для этого нѣкоторый не лишенный интереса матеріалъ.

Не разрѣшая такихъ и подобныхъ вопросовъ, о. Іоаннъ ограничивается краткимъ изложеніемъ обрядовъ царскихъ выходовъ въ тѣ праздники, выходы въ которые изложены въ «Обрядникѣ». При этомъ иногда сообщаются такія археологическія данныя, для которыхъ въ «Обрядникѣ» нѣтъ достаточныхъ основаній. Такъ, напр., говоря о приношеніяхъ въ храмы, о. Іоаннъ сообщаетъ, что Михаилъ въ крещеніе принесъ разъ въ св. Софію драгоценный потиръ и *крышку* къ нему (Сергій II, 32, 631). На основаніи этого и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ и въ обзорѣни церковной утвари, упоминаемой въ «Обрядникѣ», о. Іоаннъ говоритъ (стр. 73), что «потиръ въ отличіе отъ нашего имѣлъ *крышку*». Можно думать, что въ обрядѣ о приношеніи Михаила, кромѣ драгоценной чаши, сказано о крышкѣ; но тамъ сказано только о *ποτηροῦ κάλυμμα*, а этимъ словомъ обозначается не крышка, а покровъ, воздухъ (*ἀήρ*). Въ другихъ мѣстахъ, на которыя ссылается о. Іоаннъ (р. 15, 65, 133 и др.) не только не упоминается никакой крышки, но даже прямо сказано, что царь разстилагетъ принесенные съ собою воздухи (*ἀέρες*) или покровы (*ἐιλητά*). Впрочемъ, объ этихъ приношеніяхъ царей въ храмы уже сказано мною подробнѣе въ изложеніи выходовъ царей въ св. Софію (см. Byzantina, II, стр. 155 слѣд.).

Общимъ и при томъ весьма важнымъ недостаткомъ 3-ей гл. можно считать отсутствіе всякаго историческаго освѣщенія придворно-церковныхъ обрядовъ и празднествъ, какъ будто всѣ записанные въ Придворный уставъ обряды возникли въ одно время и совершались постоянно. Между тѣмъ въ самомъ уставѣ имѣются указанія на возникновеніе и судьбу нѣкоторыхъ обрядовъ, а иные обряды становятся мало понятными, если не причять во вниманіе время ихъ возникновенія и совершенія въ томъ видѣ, въ какомъ они записаны и внесены въ «Обрядникъ». Такъ, упомянутый уже обрядъ въ праздникъ свв. Константина и Елены мало понятенъ безъ предварительнаго указанія на время и поводъ возникновенія и написанія обряда. Почему въ этомъ обрядѣ царь въ храмѣ св. Апостоловъ поклоняется гробницамъ св. Константина, а потомъ прямо Льва VI Мудраго, его жены св. Феодано, Василия Македонянина и только. Почему царь не поклоняется праху другихъ царей, болѣе древнихъ и несравненно болѣе чтимыхъ?

Въ 4-й и послѣдней главѣ перечисляются упомянутыя въ «Обрядникѣ» требы и таинства. Изъ нихъ, конечно, заслуживали особеннаго вниманія тѣ, которыя составляли особенность того времени и того быта, какъ, молитвы при возведеніи въ какой-нибудь новыи чинъ или санъ. У насъ отъ этихъ молитвъ, которыми патріархъ освящалъ и благословлялъ

знаки отличія вновь произведеннаго сановника, остался только значительно осложненный и распространенный чинъ коронаціи. Въ X в. благословеніемъ патріарха сопровождалось чинопроизводство довольно многихъ высокихъ сановниковъ, такъ что коронація царя было только во главѣ, но не была единственнымъ возведеніемъ въ свѣтскій санъ, соединеннымъ съ благословеніемъ патріарха. Разница только состояла въ томъ, что посвященіе въ высшій санъ царя (кесаря и нобилиссима), совершалась или однимъ патріархомъ или совмѣстно съ царствующимъ уже великимъ царемъ, между тѣмъ какъ прочихъ чиновниковъ сначала производилъ царь во дворцѣ, а потомъ благословлялъ патріархъ въ храмѣ, послѣ чего вновь произведенный дѣлалъ денежное приношеніе по чину.

При производствѣ въ нѣкоторые низшіе придворные чины, отличительныя одежды будущаго чиновника развѣшивались предварительно на св. вратахъ храма св. Θεодора и потомъ вручались препозитомъ съ особымъ обращеніемъ, въ которомъ препозитъ увѣщевалъ вновь произведеннаго честно исполнять свои будущія обязанности. Эти обряды несомнѣнно имѣютъ большое сходство съ посвященіемъ въ духовныя званія и чины. О. Іоаннъ полагаетъ, что это сходство нужно объяснять взаимодѣйствіемъ придворной практики на церковную и наоборотъ, и думаетъ, что внѣшняя часть обрядовъ заимствована въ церковной практикѣ изъ придворной, а христіанскій элементъ изъ церковной. Очень жаль, что о. Іоаннъ не развиваетъ этихъ вѣрныхъ соображеній и не показалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ вторженія придворнаго элемента въ обрядовый церковный, а показать это было бы не трудно не только на обрядахъ чинопроизводства, но и на множествѣ другихъ внѣшнихъ обрядовыхъ актахъ богослуженія.

Довольно много о. Іоаннъ нашелъ матеріаловъ въ «Обрядникѣ» для крещенія младенцевъ; но отнесъ ко всѣмъ смертнымъ все то, что говорится въ «Обрядникѣ» о рожденіи и крещеніи царскаго сына, между тѣмъ какъ многое изъ того, что дѣлалось по случаю рожденія царскаго сына, относительно простыхъ смертныхъ не дѣлалось, да и не могло дѣлаться, какъ, напр., угощеніе всѣхъ и cadaго въ теченіе 8 дней послѣ рожденія, соединеніе крещенія съ литургіею (стр. 175, 176) и т. п. Напротивъ, поздравленіе родильницы и подарки ей не составляютъ принадлежности однихъ христіанъ и не вышли изъ принесенія даровъ волхвами, а существовали испоконъ вѣка у всѣхъ народовъ, какъ, древнихъ, такъ и новыхъ, и происходили тѣмъ торжественнѣе и пышнѣе, чѣмъ знатнѣе были роженица и новорожденный.

Гораздо интереснѣе и важнѣе было бы, если бы о. Іоаннъ остановился подольше на обрядѣ постриженія волосъ, происходившемъ черезъ нѣсколько дней послѣ крещенія, и на описанномъ въ «Обрядникѣ» обрѣзаніи волосъ у Льва VI, причемъ восприемниками (ἀνάδοχοι), были всѣ военные начальники оемъ восточныхъ, такъ что рады ихъ тянулись

чрезъ весь храмъ св. Θεοδора, гдѣ происходило обрѣзаніе, и Хрисотриклинъ до орологія. Во время обряда всѣ они держали спитые между собою ручки (ἐγχεῖρια) — платки или полотенца, пришитыя къ златотканному ручнику, въ который патріархъ клалъ обрѣзанные волосы и который держалъ препозитъ. Послѣ обряда всѣ платки разрывались и поступали въ собственность воспріемниковъ. (Serim. II, 23, 620). Самъ по себѣ интересный обрядъ по участию въ немъ такой массы лицъ, которые не даромъ приглашались для участія въ немъ, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія со стороны русскаго изслѣдователя, что онъ перешелъ и въ древнюю Русь и практиковался у насъ при рожденіи княжескихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ онъ стоилъ того, чтобы подробнѣе изложить его и объяснить цѣль и значеніе этого интереснаго обряда и участія въ немъ столькихъ военныхъ сановниковъ.

Въ этомъ случаѣ о. Іоаннъ поступаетъ такъ, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, отчасти отмѣченныхъ въ нашемъ обзорѣ труда, нами разсматриваемаго. Авторъ отмѣчаетъ фактъ, но не останавливается на немъ, не объясняетъ его, а только указываетъ на упоминаніе въ его «Обрядникѣ». Такимъ характеромъ нѣкоторой поверхности отличается весь трудъ о. Іоанна. Онъ, очевидно, самостоятельно и старательно собиралъ находящійся въ «Обрядникѣ» церковно-археологическій матеріалъ, для чего прочиталъ весь обрядникъ и при томъ съ пониманіемъ содержанія обрядовъ. При этомъ онъ выписывалъ и отмѣчалъ все то, что казалось ему относящимся къ занимающему его предмету, и затѣмъ распредѣлилъ этотъ матеріалъ по намѣченнымъ группамъ и отдѣламъ; но подробнаго и обстоятельнаго изученія собраннаго обширнаго и разносторонняго матеріала о. Іоаннъ сдѣлать не могъ по недостатку научной подготовки и ученыхъ пособій.

Недостатокъ научныхъ пособій не подлежитъ сомнѣнію: авторъ не могъ, конечно въ с. Ардонѣ, Терской области, имѣть никакихъ научныхъ пособій, кромѣ тѣхъ, которыя онъ имѣлъ съ собою, а такихъ пособій не могло быть много. Тѣ научные капитальные труды, которые о. Іоаннъ цитуетъ въ своей книгѣ, принадлежать, вѣроятно, бібліотекѣ той дух. академіи, въ которой о. Іоаннъ писалъ свою книгу, а въ Ардонѣ о. Іоаннъ не могъ, очевидно, достать даже многихъ русскихъ изданій и сочиненій, которыя ему были нужны.

Научная неопытность о. Іоанна видна изъ всего труда и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: разсматриваемая книга — трудъ студента и, слѣдовательно, первая научная работа. Авторъ еще не успѣлъ стать на свои ноги и относиться критически къ своимъ пособіямъ, разбираться во мнѣніяхъ и оцѣнивать ихъ надлежащимъ образомъ. Мнѣнія Дюканжа и комментаріи Reiske кажутся ему не подлежащими сомнѣнію и дополненію авторитетами, сказавшими послѣднее слово. Въ доказательство того, что «Обрядникъ» труденъ для пониманія и темень, о. Іоаннъ (стр. XI) считаетъ за самое лучшее указать на то обстоятельство, что коммента-

рій Рейске образуетъ томъ, который больше тома самого греческаго текста и его латинскаго перевода, изъ чего можно заключить, что о. Іоаннъ не знаетъ гораздо болѣе обширныхъ комментаріевъ къ древнимъ авторамъ, превосходящихъ въ нѣсколько разъ объемъ самыхъ авторовъ, гораздо менѣе трудныхъ, чѣмъ Константинъ Багрянородный съ своимъ «Обрядникомъ», а во-вторыхъ, что комментарій Рейске представляетъ собою первую попытку объяснить «Обрядникъ» и не только не исчерпываетъ всего матеріала, но и многихъ страницъ и при томъ самыхъ трудныхъ совсѣмъ почти не касается, за невозможностью дать какой-нибудь комментарій къ нимъ. Надлежащее объясненіе «Обрядника», когда это окажется возможнымъ, будетъ заключать не одинъ такой томъ, а нѣсколько, кромѣ многочисленныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ. А пока этого нѣтъ, пока не только не разработанъ, но и не собранъ заключающійся въ «Обрядникѣ» матеріалъ по разнымъ вопросамъ, нельзя считать лишними и такіе труды, какъ книга о. Іоанна. Напротивъ, такія работы очень полезны, какъ обзорѣніе матеріала, подлежащаго изслѣдованію, тѣмъ болѣе что матеріалъ собранъ добросовѣстно и старательно. Указаніе этого матеріала, быть можетъ, вызоветъ дальнѣйшія, болѣе детальныя работы, менѣе широкія, но болѣе глубокія, между тѣмъ какъ до книги о. Іоанна, выбравшаго и сгруппировавшаго церковно-археологическій матеріалъ, этотъ матеріалъ нужно было еще отыскивать и собирать. Въ этомъ отношеніи книга о. Іоанна была бы еще полезнѣе, если бы онъ снабдилъ ее подробнымъ греческимъ указателемъ, въ которомъ бы въ алфавитномъ порядкѣ сопоставилъ свой матеріалъ и облегчилъ пользованіе имъ для другихъ, которые, быть можетъ стали бы разсматривать и группировать его для другихъ цѣлей и въ другомъ порядкѣ. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ не порицанія, а похвалы то, что авторъ не бросилъ своей работы и не отчаялся въ ней въ такомъ далекомъ захолустьѣ, какъ Ардонъ Терской области.

Не могу умолчать и о томъ, что о. Іоаннъ, читая трудный и темный «Обрядникъ», въ общемъ понималъ его содержаніе и правильно излагаетъ обряды, не дѣлая такихъ промаховъ противъ смысла, которыми изобиловали прежнія русскія работы. Въ этомъ обстоятельствѣ виденъ уже большой шагъ, и работа о. Іоанна стоитъ несравненно выше небольшого, но полнаго ошибокъ комплятивнаго труда г. Каневского о выходахъ въ храмъ св. Софіи, исполненнаго имъ, когда онъ былъ студентомъ Кіевской дух. Академіи. Московскій студентъ отнесся несравненно самостоятельнѣе къ своей задачѣ и самъ изучалъ свой источникъ, прочиталъ весь памятникъ и старательно выбралъ изъ него церковно-археологическій матеріалъ, который имъ потомъ сгруппированъ по отдѣламъ. Можно пожалѣть только, что онъ сравнительно мало выписываетъ греческихъ терминовъ и текстовъ, ограничиваясь только указаніемъ страницъ. Но при такихъ выпискахъ, навѣрно, книга о. Іоанна была бы переполнена массою опечатокъ въ греческомъ текстѣ, которыхъ много и въ тѣхъ

сравнительно немногихъ греческихъ текстахъ и словахъ, которые приводятся въ книгѣ: вм. Σοφία, напимѣръ, нѣсколько разъ напечатанъ Εοφία (стр. 29), вм. θύρα—θύρα, στήδεια вм. στήθεα (стр. 30, 31), τὸ πεζούλιον вм. πεζούλιον, δεξιόν вм. δεξιόν, ἀναδευσράδιον вм. ἀναδενδράδιον (52), τῆς πηλῆς вм. τῆς πηγῆς (53) и т. п. Такія и тому подобныя опечатки, конечно, пестрятъ и портятъ книгу, но у насъ это явленіе обычное и трудно устранимое. Автору и та правильность, которой онъ достигъ въ напечатаніи греческихъ словъ, вѣроятно, стоила не мало труда и времени, если въ типографіи греческіе слова и тексты печатались рѣдко и мало, какъ въ огромномъ большинствѣ нашихъ типографій.

8 декабря 1895.

Казань.

Д. Бѣляевъ.

Житіе *уже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита по рукописи Московской Синодальной библіотеки издалъ И. Помяловскій. Санктпетербургъ. 1894. VI+64 стр. 8.*

Профессоръ И. В. Помяловскій въ послѣдніе годы обогатилъ греческую агіографическую литературу тремя важными текстами. Въ 1892 г. имъ было издано житіе св. Θεοδора Эдесскаго, въ 1894 г.—житіе св. Григорія Синаита, а въ прошломъ году—житіе св. Αθανασія Αεονскаго. Всѣ три изданія весьма интересны и прекрасно исполнены издателемъ. Наша задача—ближе ознакомить читателей Византійскаго Временника со вторымъ изъ этихъ изданій, заглавіе котораго мы выписали въ началѣ.

Житіе св. Григорія Синаита извѣстно было доселѣ лишь въ пересказѣ позднѣйшаго времени, помѣщенномъ въ книгѣ, вышедшей въ 1803 г. въ Венеціи, подъ заглавіемъ: Νέον ἐκλόγιον περιέχον βίους ἀξιολόγους διαφόρων ἁγίων (р. 327—341). Подлинный его текстъ теперь впервые изданъ г. Помяловскимъ по московской рукописи № 281, XVI вѣка. При этомъ издатель могъ уже пользоваться однимъ южно-славянскимъ переводомъ этого житія, который П. А. Сырку въ настоящее время подготавливаетъ къ печати. Изъ этого перевода (XIV вѣка) издатель греческаго подлинника въ двухъ мѣстахъ дополнилъ пропуски московскаго списка.

Св. Григорій Синаитъ, жившій въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣковъ, прославился аскетическимъ подвижничествомъ. При этомъ онъ не ограничился практическимъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей, возложенныхъ на аскета и исихаста, но ревностно старался вникнуть и въ тайны теоріи, образовавшейся по отношенію къ этой особой формѣ монашеской жизни. Это его усердіе къ болѣе глубокому созерцанію Божію и пылкая его душа были и причиною того, что онъ не выдерживалъ долго на одномъ мѣстѣ, но неутомимо переходилъ изъ одной страны въ другую, вездѣ стараясь лично знакомиться съ тѣми изъ отшельниковъ, которые имѣли репутацію знать болѣе другихъ о вождельной его теоріи (θεωρία τῆς